

Когда ему было около четырёх или пяти лет, юный Цзянь Хуай обнаружил, что только его комната находится под землёй. Свет в подвале, хоть и был ярким, но не солнечным.

Снаружи было голубое небо и белые облака, пение птиц и благоухающие цветы, огромное и бескрайнее пространство. И всё же у него была только спальня площадью 40-50 квадратных метров с электрическими лампочками в европейском стиле на потолке.

— Папа, я хочу жить в комнате с окнами и солнечным светом, — сказал маленький Цзянь Хуай своему самому близкому человеку.

Цзянь Бохань обнял его мягкое, маленькое тельце и уверенно сказал:

— Поверь мне, тебе не нравится солнце.

— Я лучше знаю! — Цзянь Хуай надулся, как маленький шарик, настаивая на своей точке зрения.

— Неужели? — улыбнулся Цзянь Бохань. — Тогда давай выйдем на солнце.

Он взял маленького Цзянь Хуая на руки и вынес его на улицу, когда солнце было в зените.

— Сяо Хуай, посмотри на солнце. Раз тебе это нравится, хорошенько посмотри, — предложил Цзянь Бохань.

Цзянь Хуай никогда не видел настоящего солнечного света, и никто не говорил ему, что если долго смотреть на солнце, то роговица может обгореть и заболеть, как кожа, а в тяжёлых случаях это может привести к ожогу сетчатки, вызывая необратимые повреждения глаз или серьёзную потерю зрения.

Спустя совсем немного времени Цзянь Хуай захотел отвернуться. Цзянь Бохань взял его за лицо и сказал:

— Это твой выбор. Продолжай смотреть.

Только когда Цзянь Хуай закричал:

— Никогда больше не смотри на солнце. Не меняй комнату, — Цзянь Бохань наконец отпустил его. Затем он осторожно отвёл его к окулисту.

С тех пор всякий раз, когда кто-нибудь спрашивал, почему Цзянь Хуай живёт в подвале, Цзянь Бохань объяснял:

— Мой сын с детства не любит светлые места. Однажды он увидел солнце и заплакал, чтобы вернуться в подвал. Разве не так, Сяо Хуай?

— Да, солнечный свет пугает, — деревянно ответил юный Цзянь Хуай.

Воспоминания Цзянь Хуая были неполными. Часто Цзянь Бохань говорил, что ему должно нравиться или не нравиться, и Цзянь Хуай соглашался. Он не был безропотным, но в результате его сопротивления Цзянь Бохань по-своему доказывал, что сказанное им — правда.

В семнадцать лет Цзянь Хуай не помнил, что случилось с дядей Линем. Казалось, он долгое время был в оцепенении. Когда он пришёл в себя, то оказался в психиатрической больнице, и все говорили ему: «У тебя шизофрения».

Он боялся солнечного света. Днём он закрывал шторы и прятал голову под одеяло, чтобы уснуть. Ночью он не мог уснуть. Выходя из палаты, он видел бесчисленное множество чудовищ.

В первый раз он был напуган и беспомощен. Ему удалось пережить ночь, спрятавшись в шкафу. На следующий день Цзянь Хуай попытался обратиться за помощью к врачу. Он рассказал о том, что произошло прошлой ночью, а затем услышал, как Цзянь Бохань сказал врачу:

— О, кажется, его зрительные и слуховые галлюцинации усиливаются.

Было ли это... галлюцинацией?

Наступила ночь. Цзянь Хуай стоял в коридоре на четвёртом этаже и смотрел, как пациенты выходят из своих палат. Запах формальдегида ударил ему в нос. Один из пациентов бросился на него, и Цзянь Хуай машинально ударил монстра в глаз спрятанным кинжалом.

На следующее утро он отправился навестить пациента, которого накануне вечером ударил. С глазами пациента всё было в порядке. Он спокойно смотрел телевизор после приёма лекарств.

Должно быть, это была галлюцинация. Он действительно был сумасшедшим.

Цзянь Бохань сказал, что у него врождённая антисоциальная личность, что ему нравятся вещи, которые не понравились бы нормальным людям, что он не может контролировать свои преступные наклонности и что эти наклонности проявляются по ночам, становясь его игровой площадкой.

Игровая площадка? Цзянь Хуай покачал головой, больше не сопротивляясь. Если Цзянь Бохань так сказал, то так тому и быть.

Но теперь врач, стоявший перед ним, сказал Цзянь Хуэю, что он не сумасшедший.

Должен ли он в это верить?

Цзянь Хуай сидел на полу, небрежно положив руки на колени и глядя на Ши Чанфэна. Кожа Цзянь Хуая была неестественно бледной.

— Верно! — Медбрат по имени Ван Сяошуай хлопнул себя по бедру. — Наблюдение! Все палаты и коридоры нашей больницы находятся под наблюдением! Если мы сможем найти запись, то сможем обратиться за помощью извне.

Согласно правилам, зоны активности пациентов должны находиться под наблюдением. Даже в туалетах, где требуется уединение, должны быть установлены инфракрасные датчики тепла для наблюдения за передвижениями пациентов.

Услышав, как Ван Сяошуай упомянул слежку, Цзянь Хуай усмехнулся.

Ши Чанфэн вздохнул.

— Сегодня утром я проверил записи с камер наблюдения. Всё в порядке. Даже ты, записи показывают, что ты всю ночь провёл в комнате отдыха, никуда не выходя. Камеры наблюдения

в этой больнице бесполезны с 21:00 до 7 утра следующего дня.

Ван Сяошуай нервно потёр руки. Его взгляд метался по сторонам, и вдруг он увидел витаминные таблетки на ладони Ши Чанфэна.

— Цзянь Хуай не принимал лекарства. Вы проверили записи с камер наблюдения?

— Следуйте за мной, — сказал Ши Чанфэн.

Он привёл Цзянь Хуая и Ван Сяошуая в кабинет и с помощью внутренней сети больницы просмотрел записи с камер наблюдения. На записи было видно, как Цзянь Хуай принимает лекарство на глазах у Ван Сяошуая 2 апреля, а затем возвращается в постель, чтобы поспать. Он никогда не клал таблетки под подушку.

— А как насчет сегодняшнего дня? — Спросил Ван Сяошуай.

Ши Чанфэн скорректировал дату. На записи с камеры наблюдения видно, как Цзянь Хуай всё время сидел в своей палате и читал. Другие люди появились только тогда, когда профессор Цзянь пришёл в гости и Ши Чанфэн сделал обход. В конце видео Ши Чанфэн и Цзянь Бохань вышли из палаты одновременно. Ван Сяошуая на записи не было.

Ван Сяошуай: "..."

Он с тревогой объяснил:

— Я не в видео? Я настоящий. Я...

— Не волнуйся, — успокоил его Ши Чанфэн. — Я знаю, что ты нормальный. Показывать тебе записи с камер наблюдения запрещено. Я просто хочу сказать тебе, что ты не можешь доверять камерам в этой больнице.

Цзянь Хуай свернулся калачиком в кресле врача, согнув ноги в коленях. Он не был низкорослым, но был очень худым. Он съёжился в кресле, словно свернулся в клубок, и не очень-то интересовался экраном компьютера.

— Но если даже наблюдение было поддельным, во что я могу верить? — Ван Сяошуай в отчаянии рвал на себе волосы. — Неужели я действительно ненормальный? Неужели я случайно принял запрещённые обезболивающие для пациентов и вчера у меня были галлюцинации?

Увидев его состояние, Ши Чанфэн схватил его за костяшки пальцев. Ван Сяошуай тут же закричал:

— Больно! Больно! Отпусти, отпусти!

— Твое восприятие боли в порядке, — спокойно сказал Ши Чанфэн. — Сначала успокойся.

Все это время он оставался невозмутимым, совершенно равнодушным к этим странным событиям.

Ван Сяошуай некоторое время сидел молча и наконец успокоился. Он посмотрел на безразличного Цзянь Хуая, затем на Ши Чанфэна и осторожно спросил:

— Доктор Ши, что нам делать? Во что нам верить?

Ши Чанфэн решительно сказал:

— Верь в себя. Поскольку объективная реальность стала совершенно абсурдной, единственное, что мы можем сделать, — это твёрдо придерживаться собственного восприятия. Какое из твоих пяти чувств наиболее острое, в котором ты больше всего уверен, верь в него.

— Что, если мы все трое сошли с ума? Или... вы двое — это просто то, что я себе вообразил, и всё это время я разговаривал сам с собой? — спросил Ван Сяошуай.

— Тогда сойди с ума окончательно, — сказал Ши Чанфэн. — По крайней мере, так ты не предашь свою внутреннюю волю.

От этих слов глаза Цзянь Хуая загорелись. Он выпрямился, посмотрел на Ши Чанфэна и сказал:

— Я хочу попробовать оставить несколько следов ночью. Не на монстрах, а на неподвижных

объектах в больнице. Оставить несколько следов, которые будет трудно найти.

— Ты можешь попробовать, — ободряюще улыбнулся Ши Чанфэн. — Не знаю, имею ли я честь присоединиться к твоей операции?

— Решать тебе, — беспечно ответил Цзянь Хуай.

— А я? — Ван Сяошуай поднял дрожащую руку. — Я тоже могу присоединиться?

Прошлой ночью он так испугался, что даже не разглядел, как выглядит старшая медсестра. Неужели ему придётся присоединиться к команде исследователей третьей психиатрической больницы?

Цзянь Хуай посмотрел на него.

— Ты убирайся.

— А? — Ван Сяошуай не понял.

— Ты не можешь пойти домой? — спросил Цзянь Хуай. — Почему бы тебе не пойти домой, если можешь?

— Домой... точно. Мне только что позвонила мама. — Ван Сяошуай сжал в руке телефон и неуверенно спросил Ши Чанфэна: — Так... я иду домой?

— Иди, — Ши Чанфэн не стал заставлять Ван Сяошуая присоединиться к их операции.

— Вы, ребята, такие милые! — с благодарностью сказала Ван Сяошуай.

Он схватил телефон и выбежал из кабинета Ши Чанфэна, направляясь к выходу из больницы.

Несколько корпусов больницы и амбулаторный корпус были соединены между собой. Ван Сяошуай поспешил из корпуса 1-й палаты в амбулаторный корпус. Увидев оживлённый вход в амбулаторный корпус, он обрадовался. Он прошёл через вращающуюся дверь амбулаторного корпуса с чувством облегчения после пережитого бедствия. Выйдя из двери, он оказался в вестибюле корпуса 1-й палаты.

— А? — Ван Сяошуай огляделся и увидел табличку с надписью «Здание 1-го корпуса». У него чуть челюсть не отвисла.

Ван Сяошуай покачал головой, встал и побежал «топ-топ» в сторону амбулаторного корпуса. Он направился к вращающейся двери, полный решимости пройти через неё во что бы то ни стало. Как только он вышел из вращающейся двери, он снова оказался в вестибюле 1-го корпуса.

Ван Сяошуай не мог в это поверить. Он бежал несколько раз подряд, но оказывался всегда здесь.

Он опустился на колени в вестибюле, и проходившие мимо люди с удивлением смотрели на него.

В голове Ван Сяошуая помутилось, и по его щекам тихо потекли слезы страха.

Спустя долгое время он вытер слезы, достал телефон и пробормотал себе под нос:

— Точно, мне звонила мама. Я должен ответить на звонок.

После набора номера механический женский голос произнёс: «Набранный вами номер не обслуживается».

Бам! Телефон упал на твёрдый пол, экран треснул. Ван Сяошуай нервно задрожал.

Слова Цзянь Хуая эхом отозвались в сознании Ван Сяошуая: «Ты не можешь пойти домой?»

Я больше не могу! Ван Сяошуай встал, взял телефон и поспешил в кабинет Ши Чанфэна. Там остался только один врач, на бейдже которого было написано «Юань Фэйхан». Увидев Ван Сяошуая в повседневной одежде, Юань Фэйхан спросил:

— Вы пациент? Сейчас время обеда. Мы начинаем работу в 13:30.

— Нет-нет. Я кое-кого ищу. — Ван Сяошуай развернулся и вышел из кабинета, торопясь на четвёртый этаж.

Там была палата Цзянь Хуая. Увидев приближающуюся дверь, Ван Сяошуай почувствовал облегчение.

Он толкнул дверь, закрыл её и сел на пол, совершенно обессиленный.

Цзянь Хуай и Ши Чанфэн были в палате. Увидев, что Ван Сяошуай выглядит потрясённым, Ши Чанфэн спросил:

— Почему ты вернулся?

Говоря это, он протянул Ван Сяошуаю стакан тёплой воды.

Ван Сяошуай осушил стакан одним глотком. Только тогда он, казалось, ожил. Он взмахнул руками и сказал:

— Главный вход, я не могу выйти. В мгновение ока я снова в вестибюле... и...

Он замолчал, а потом вдруг закрыл лицо руками и заплакал:

— Моя мама пропала, у-у-у...

— Не волнуйся, — сказал Ши Чанфэн. — Повторяй за моими движениями. Сделай глубокий вдох, медленно выдохни, затем глубоко вдохни, выдохни. Да, медленно выдохни... Тебе лучше?

Под руководством Ши Чанфэна Ван Сяошуай наконец успокоился. Он рассказал о своём недавнем опыте, выпив при этом несколько стаканов воды.

Ши Чанфэн выслушал его и спросил:

— Ты помнишь, как зовут твою мать и где она живёт?

— Да! — Ван Сяошуай назвал имя, возраст, место работы и адрес своей матери.

— Невозможно придумать столько информации за одно мгновение, — сказал Ши Чанфэн. — Не волнуйся, твоя мама не исчезла. Звонок не прошёл, вероятно, из-за того, что в этой больнице что-то не так с магнитным полем. Электронное оборудование наблюдения записывает то, чего на самом деле нет. Так что в этой странной больнице звонки не проходят нормально.

Слова Ши Чанфэна были такими обнадеживающими, такими же твёрдыми и властными, как его подпись прошлой ночью. Казалось, что никакие трудности не могут его сломить.

— Доктор Ши, что мне делать дальше? — спросил Ван Сяошуай.

Ши Чанфэн посмотрел на Цзянь Хуая, который был погружён в свой собственный мир, а затем на Ван Сяошуая, который был погружён в свои мысли. Он молча вздохнул.

— Думаю, нам придётся остаться в больнице ночью, чтобы выяснить, что не так с этим местом. Не волнуйся. Я тоже не могу покинуть больницу. Иначе зачем бы я был здесь сегодня, в свой выходной?

— Вы тоже не можете уйти, доктор Ши? — радостно сказал Ван Сяошуай. — Это здорово.

Казалось, что медбрат был так напуган, что не мог нормально выражать свои эмоции. Ши Чанфэн успокоил Ван Сяошуая и подошёл к Цзянь Хуая.

— Ты не против, если я сяду на твою кровать? В комнате нет стульев, — спросил Ши Чанфэн.

Цзянь Хуай слегка кивнул.

Ши Чанфэн сел и на мгновение задумался, прежде чем сказать:

— Ты пробыл в больнице дольше всех и знаешь больше всех о том, что происходит ночью. Надеюсь, ты вспомнишь, есть ли что-то особенно примечательное. Сегодня вечером мы отправимся в неизвестное, пугающее место, где в любой момент нам может грозить опасность. Даже крупица информации может помочь нам дожить до рассвета.

Он вёл себя спокойно, и по его тону нельзя было сказать, что он говорит о чём-то опасном для жизни и пугающем.

Благодаря уравновешенному и расслабленному поведению Ши Чанфэна Цзянь Хуай почувствовал, что тот, возможно, привык к такой ситуации.

Цзянь Хуай на мгновение задумался и сказал:

— Сначала они были очень послушными. Они не нападали на меня, просто ходили вокруг. Постепенно один или двое начали причинять мне боль. Они были не очень сильными, и я мог с ними справиться. Позже появились более агрессивные люди или монстры, и я...

Цзянь Хуай сделал паузу. Он посмотрел на Ши Чанфэна, чтобы убедиться, что этот человек, с которым он познакомился всего день назад, заслуживает его доверия.

Ши Чанфэн ничего не сказал. Он молча ждал, пока Цзянь Хуай продолжит.

Цзянь Хуай встал с кровати и подошёл к стене, закрывающей отдельную ванную. Он сжал кулак и изо всех сил ударил им по стене.

Бум! Кулак Цзянь Хуая пробил стену между комнатой и ванной. Он убрал невредимую руку и сказал:

— А я — чудовище среди чудовищ.

Ван Сяошуай засунул все восемь пальцев в рот, боясь закричать и напугать Цзянь Хуая. Он вспомнил, что в те два раза, когда он приходил в палату, Цзянь Хуай... словно появлялся перед ним в мгновение ока. Он думал, что ошибся, но оказалось, что Цзянь Хуай был настолько быстр, что его глаза не успевали за ним!

— Я что, попал в фильм про супергероев или в фантастический роман? — спросил Ван Сяошуай.

— Кто знает, — Цзянь Хуай посмотрел на свой кулак. — Может, это просто моё заблуждение.

— Это правда! — Ван Сяошуай отчаянно закивал. — Совершенная правда!

— Доктор Ши, вы совсем не удивлены? — Ван Сяошуай попытался найти союзника.

— Хм, я удивлен, — кивнул Ши Чанфэн.

Лжец, на твоём лице ясно написано: “обычный удар кулаком”.

Ши Чанфэн осмотрел большую дыру в стене и спросил:

— Твои физические способности выходят за рамки обычного, или у тебя есть особые способности и в других областях?

— Просто физические способности, — сказал Цзянь Хуай.

— Это хорошо. По крайней мере, это доказывает, что ночных монстров можно победить с помощью человеческой силы. Давайте приготовим какое-нибудь ударное оружие. Ты же медбрат, так что должен знать, где это хранится, верно? — спросил Ши Чанфэн.

— Я знаю! — Сказал Ван Сяошуай.

— Я также вполне уверен в своих физических способностях. Ночью, Сяошуай, ты должен оставаться позади меня и Цзянь Хуая, — сказал Ши Чанфэн. — Что касается Цзянь Хуая, ты стоишь справа от меня.

Ши Чанфэн был правшой, и его правая рука была более ловкой, чем левая. Цзянь Хуай, стоявший справа от него, был бы в пределах досягаемости.

Но Цзянь Хуай отказался:

— Нет.

— Почему?

— Я левша, — Цзянь Хуай взял кинжал в левую руку. Его движения были настолько быстрыми, что за ними было трудно уследить. — Если что-то будет загораживать мне левую сторону, это повлияет на мою ловкость. Мне нужно встать слева от тебя.

Они не могли прийти к согласию по поводу своих позиций. Они придерживались собственного мнения и в конце концов решили отложить это до тех пор, пока не скорректируют своё построение ночью.

— Подождите секунду, — Ван Сяошуай, который, казалось, был в своём собственном мире, поднял руку. — Разве появление монстров ночью не противоречит трём правилам «не»? Если мы будем следовать правилам, то сможем спокойно пережить ночь.

— Почему вы говорите так, будто мы собираемся нарушить три запрета? Разве вы не боитесь увидеть «бездну»? И что вообще значит «бездна»?

Прошлой ночью Ван Сяошуай нарушил все три правила, а сегодня он оказался в ловушке в больнице и не мог уйти. Была ли эта больница «бездной»?

— Я тоже не знаю, что представляет собой «бездна», — сказал Ши Чанфэн, — но посмотри на людей в этой больнице. По их словам, они строго соблюдают три запрета, но считаешь ли ты их нормальными?

Ван Сяошуай вспомнил своего старшего товарища Фэн Юнсиня и невольно вздрогнул, покачав головой.

— Это ненормально.

Ши Чанфэн сказал:

— Я знаю, что это опасно, но у нас нет другого выбора. Либо мы притворимся, что ничего не видим и не слышим, либо... даже если мы умрём, мы умрём, преследуя правду.

Цзянь Хуай, стоявший в стороне, вдруг сморщил нос. Он выглянул в окно.

— Снег идёт?

— Нет, — Ши Чанфэн придвинулся ближе к Цзянь Хуаю; запах снега стал ещё сильнее.

Увидев, что Цзянь Хуай смотрит на него с подозрением, Ши Чанфэн сменил тему.

— Кстати, я хотел спросить. Как, по-твоему, пахнет Ван Сяошуй?

Цзянь Хуай ответил:

— Гриб, растущий во влажной тёмной комнате.

Ши Чанфэн: "..."

Гриб?

<http://bllate.org/book/13781/1216446>